

ОТ ГАРМОНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К ГАРМОНИИ ЛИЧНОСТИ

В недавнем прошлом конечной целью образования и воспитания объявлялось формирование гармонично развитой личности, сочетающей в себе духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство [1, с. 163]. Ныне эта цель формально не декларируется, но иногда как бы подразумевается. Например, по словам А. С. Запесоцкого, главная задача университетского образования – вырастить интеллигента [2, с. 7]. При этом образ интеллигента рисуется весьма привлекательным, хотя относительно конкретных черт этого образа может идти спор [2, с. 12, 13, 21, 39 и др.]. И, вообще говоря, едва ли можно что-то возразить против этой цели образования и воспитания, когда она поставлена абстрактно. Разве плохо, если человек нравственно чист, духовно богат и физически совершенен?

Проблема, тем не менее, может возникнуть, если мы попытаемся конкретнее рассмотреть названную цель. Вполне логично задать вопрос: «А зачем обществу нужно формировать гармонично развитую личность»? Ведь ясно же, что эта цель, во-первых, недостижима, во-вторых, чрезвычайно «затратна» с точки зрения необходимых средств, в-третьих, «непрактична», поскольку не гарантирует совершенному человеку должного места в несовершенном обществе, в-четвертых, чревата «нарциссизмом», то есть склонностью к самолюбиванию у человека, близкого к совершенству. Образно говоря, есть риск появления прекрасного, но бесплодного цветка, чья жизнь окажется бесполезной для него самого и для других. Русская литература дала нам достаточное количество образов «лишних людей». Нужны ли нам новые?

Кроме того, следует иметь в виду, что высказанное выше представление о личности как богатом духовно, нравственно чистом и физически совершенном существе крайне неконкретно. Фактически здесь речь идет не о личности, а о человеке, причем не гармонически, и даже не всесторонне, а разносторонне развитом. Так, если мы рассматриваем человека как природное, социальное и духовное существо, то социальное начало, то есть собственно личность, в этом представлении никак не отражено.

Ясно, что объемы понятий «гармонически развитая», «разносторонне развитая» и «всесторонне развитая личность» не совпадают, хотя могут перекрещиваться. Личность может быть гармоничной и всесторонне развитой, может быть гармоничной и односторонне развитой, а может быть разносторонне и даже всесторонне развитой, но не гармоничной. Следовательно, чтобы правильно поставить задачу формирования «гармонично развитой личности», нужны дополнительные понятийные средства, уточняющие понятие «личность» и по-

Смирнов Петр Иванович – д-р филос. наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Служ. адрес: 193060, ул. Смольного, 1/3, 9 подъезд. Тел./факс: (812) 110-0077.

Дом. адрес: 191194, Санкт-Петербург, Фуршадская, д. 48, кв. 5. Тел.: 272-55-15.

звolyающие перевести разговор о ее гармоническом формировании в теоретически осмысленный вид (и далее в практическую плоскость).

Думается, что достаточно пригодными для достижения поставленной цели являются понятия «личность», «Деятельность», «общество», которые предложены авторами статьи, посвященной проблеме моделирования социальных систем [3, с. 85–87]. По мысли авторов, общество является системой субъектного типа, основанной на обмене деятельностями между личностями. Личность представляет собой социальную ипостась человека в той мере, в какой тот участвует в деятельностном обмене. Деятельность же является специфически человеческим способом активности, поскольку у нее появляется новый класс стимулов – ценности, благодаря которым деятельность обретает такие черты, как свобода и субъективно, то есть самим деятелем, заданный смысл.

Активность животных стимулируют потребности (и этот класс стимулов свойствен и человеку), удовлетворение которых обеспечивает существование животного, и в силу этого животное находится в «царстве необходимости». Ценности же, «ради которых люди живут» [4, с. 258], придают смысл человеческому существованию, причем, подчеркну еще раз, субъективно заданный смысл, поскольку ценности человек выбирает свободно. Следовательно, уже сейчас человек «одной ногой» находится в «царстве свободы», о котором мечтали основоположники марксизма.

Учитывая сказанное, формулируем первую задачу настоящей статьи – предложить логически замкнутую концепцию существования человека в обществе на основе понятий «деятельность», «личность», «общество», причем понятие «деятельность» будет ключевым. Категория деятельности выбрана в качестве исходной потому, что именно деятельностная связь, включающая обмен деятельностями, признается специфически общественной связью.

Постулируется без дальнейшей дискуссий, что тот или иной тип общества, равно как и тип личности, находится в зависимости от определенной разновидности деятельности и формируется ею. При этом гармонически развитой с социальной точки зрения считается личность, которая обладает ценностями, знаниями, умениями и навыками, а также полномочиями, скоррелированными с той или иной деятельностью, причем корреляция может быть как прямой, так и обратной. Как правило, ценности, знания, умения, навыки и полномочия в реальном поведении выступают нераздельно, слитыми в устойчивые образцы поведения – нормы.

При подобной постановке задачи уже нет речи о нравственной чистоте, физическом совершенстве и духовном богатстве гармонически развитой личности. Личность оказывается вполне гармоничной как деятельностное существо, хотя ее духовные и физические составляющие могут быть далеки от совершенства.

Вторая задача – выявить возможные гармонические типы личности, которые формируются в соответствии с определенным видом деятельности. И если имеется несколько независимых разновидностей деятельности, появляется возможность возникновения гармоничных, но односторонне развитых типов личности («под каждую разновидность»).

Мысль об использовании определенных разновидностей деятельности для выявления типов общества и личности почерпнута у Н. Я. Данилевского. В

модифицированном виде используется методология, которую тот использовал для теоретического описания культурно-исторических типов. Он выделил четыре разновидности деятельности (религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую) и на этой основе показал возможность существования одно-, двух-, трех- и четырехосновных культурно-исторических типов, возникающих на различных комбинациях названных разновидностей [5, с. 400 и др.].

В принципиальном отношении подобная точка зрения при исследовании обществ разного типа представляется безупречной. Но следует заметить, что религиозная, культурная и т. д. разновидности деятельности сами по себе слишком сложны и неоднородны, чтобы с их помощью выявить возможные типы общества и личности. Для этого нужны более простые, «элементарные» разновидности деятельности. Но какие же из них следует считать элементарными?

Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы сочтем фундаментальной чертой или характеристикой деятельности. Деятельность обладает массой признаков, и, вероятно, строго логически доказать, что одна из характеристик деятельности является более фундаментальной, чем другая, весьма непросто. Можно допустить, что в зависимости от выбора фундаментальной характеристики (признака, черты) деятельности появятся разные классы ее элементарных разновидностей. Но вопрос о том, какие это черты и какие разновидности могут появиться, остается пока без ответа. Дальнейший ход рассуждений основан на допущении, что одной из самых фундаментальных черт деятельности является ее направленность в пользу кого-то или чего-то, то есть она может совершаться в пользу субъекта, объекта или процесса, обеспечивая их существование.

Если мы согласимся с этим допущением и рассмотрим простейшую ситуацию, когда имеются: 1) деятель, 2) нечто другое (окружающий мир, «объект») и 3) сам процесс деятельности, то окажется, что базовых разновидностей деятельности три, и только три. Ибо простейший перебор логических возможностей дает нам только три варианта, исчерпывающих всю полноту выбора:

— деятельность может совершаться деятелем для себя, основная цель ее — обеспечить существование деятеля, удовлетворить его потребности, вообще, принести ему какую-то выгоду. Можно назвать эту разновидность «для-себя-деятельностью», или «эгодеятельностью»;

— деятельность может совершаться деятелем ради другого, причем этим «другим» может быть любой субъект или объект — человек, общество, Бог, природа и т. д. Назовем эту разновидность «для-другого-деятельностью», «альтердеятельностью», или «служебной деятельностью», «службой», «служением». Ясно, что эта разновидность деятельности может вступать в конфликт с эгодеятельностью;

— деятельность может совершаться деятелем ради самого процесса деятельности (то есть для нее же самой). Вполне логично назвать эту разновидность «игровой деятельностью», или просто «игрой».

Полноценная деятельность («жизнедеятельность») человека с непреложностью должна включать в себя все три разновидности в качестве своих моментов. Для-себя-деятельность обеспечивает удовлетворение самых разнообразных потребностей субъекта (и материальных, и духовных) и делает возмож-

ным его существование. Для-другого-деятельность придает смысл существованию субъекта, связывая его с миром и освобождая от бессмысленности одиночества (Если я один и для себя, то зачем я?). Эта деятельность хотя бы отчасти позволяет человеку преодолеть конечность земного бытия, «продолжить» себя в другом. Игра привносит в существование деятеля радость. Она возможна в минуты самодостаточности субъекта, когда тот, освободившись от потребления мира или служения ему, свободно расходует свои жизненные силы в своем особом, сотворенном для себя мире.

Кроме того, полноценная деятельность в идеале должна состоять из гармоничного и ритмичного чередования этих трех разновидностей, ибо каждая из них несет особую функцию и требует чистого и полного ее выполнения. Если использовать гетевско-юнговский образ бьющегося сердца [6, с. 32–33], то деятельность-для-себя напоминает расширение сердца (деятель, «расширяясь», захватывает мир, втягивает его в себя, овладевает миром). Деятельность-для-другого подобна сжатию сердца (деятель «выбрасывает» накопленную им мировую энергию или информацию на пользу другому). Игра же отчасти подобна паузе между сокращением и расширением, ибо в ней деятель «отдыхает» от забот о себе и другом. Представляется, что гармонично и всесторонне развитая личность должна быть способна к ритмичному чередованию всех трех разновидностей деятельности, то есть способна обеспечить свое существование, а также найти для себя радость и смысл. Иначе говоря, личность должна быть готова к гармоничной деятельности в собственном смысле слова.

К сожалению, гармоничная деятельность формируется не у каждого человека. У многих одна из разновидностей деятельности начинает господствовать над остальными, подчиняя их себе. Происходит процесс, аналогичный тому, что происходит при формировании типичных экстра- и интровертивных установок, и который описал Юнг [6, с. 32–33]. В человеческой душе каким-то не вполне понятным образом происходит «слияние» трех конечных определителей базовых разновидностей деятельности (существования, смысла и радости). И для человека становятся тождественными или неразличимыми все эти три определителя деятельности. Существование, радость и смысл сливаются для него в синкретическую целостность, причем один из определителей становится господствующим. На этой основе прекращается ритмическое чередование деятельностей, деятель как бы «застывает» в одной из них и живет ею, в ней и для нее.

Так, у одного господствующей разновидностью деятельности может стать деятельность-для-другого (служба). Тогда человек находит смысл, радость и само свое существование лишь в служении другому. Возникает тип «служителя», который имеет массу разновидностей – от «преданного раба» (пушкинский Савельич) до «истинного служителя науки» (физик Гусев из фильма «9 дней одного года»). «Служителем» может быть назван «истинный влюбленный», «рыцарь без страха и упрека» и т. д.

У другого ведущей и господствующей разновидностью может стать игра. Такой человек находит в ней смысл, радость и само свое существование. Вероятно, человеком игрового типа был Пирр, царь Эпира, если верен анекдот о его беседе с Кинеем, учеником Демосфена (Пирр, рассказывая своему собеседнику о планах завоевания мира, назвал конечной целью всех своих побед воз-

можность проводить жизнь в мире, веселье, спокойствии и дружеских беседах. На что Киней резонно спросил, зачем все опасности, тяготы и кровопролития, если царь уже сейчас может жить в мире, веселье и спокойствии, наслаждаясь дружескими беседами за пиршественным столом). Для «игроков» важен сам процесс борьбы, войны и пр.

Для третьего ведущей разновидностью становится эгодеятельность, а в продлении своего духовного, социального или физического существования он находит и смысл, и радость. Спектр подобных деятелей также весьма широк — от собирателей коллекций и накопителей богатства (всевозможные «скупые рыцари») до фанатиков, преданных идее вечного (индивидуального) спасения или продления земного существования. В какой-то степени к этому типу относятся все лица, претендующие на чрезмерную социальную значимость, то есть стремящиеся к чрезмерной славе, власти, богатству и т. п.

Душевный механизм, с помощью которого у отдельного человека происходит «стягивание» смысла, радости и существования в синкретическое целое, не вполне ясен. Но логично допустить, что относительная распространенность того или иного типа деятеля в конкретном обществе будет зависеть от разновидности деятельности, господствующей в нем. По ряду причин, которые здесь не рассматриваются, может случиться так, что эгодеятельность или служебная деятельность становятся господствующими и даже определяют тип цивилизации.

В цивилизации домашнего типа (точнее, ее следует называть служебно-домашней), основанной на служебной деятельности, будет относительно широко представлен тип «служителя» (хотя необязательно это будет «честный служитель»). Напротив, в рыночной цивилизации*, где основной является эгодеятельность (выступающая в облике «рыночной»), следует ожидать сравнительно широкого распространения «эго-деятелей» или «эгоистов-индивидуалистов». Иначе говоря, должна наблюдаться корреляция между господствующей разновидностью деятельности и наличием адекватного ей типа деятеля в соответствующем обществе.

Нетрудно подобрать примеры обществ, развивавшихся в русле рыночной или домашней цивилизаций. В частности, по типу домашней цивилизации развивались Древний Египет, Китай почти на всем протяжении своей истории, Россия со времен Московского царства. Эти общества функционировали и развивались на основе служебной деятельности. Европа, очевидно, развивалась по типу рыночной цивилизации. Но вопрос о реальном существовании игровой цивилизации остается открытым, хотя, несомненно, игра в любом обществе занимает важное место [8]. Ясно, что любое конкретное общество развивается при сочетании всех трех разновидностей деятельности, но какая-то из разновидностей может стать явно господствующей, определив тем самым его (общества) тип, а также преобладающий в нем тип личности.

Крайне интересным представляется вопрос о возможных метаморфозах личности, происходящих в процессе развития конкретных обществ, в частности, относящихся к рыночной и домашней цивилизациям. Ибо здесь открыва-

*О рыночной и домашней цивилизациях подробнее см.: [7, с. 32–35.]

ется возможность проследить гармоничное, но одностороннее развитие личности.

Нет, очевидно, нужды подробно доказывать, что западное общество развивается на основе эгодеятельности. «Индивидуалистичность» западного общества открыто провозгласила Великая французская революция. Сама суть этой революции состояла в том, что «самовластие человеческого я» было возведено в политическое и общественное право и в силу этого права стремилось «овладеть обществом» [9, с. 273]. Теоретики современного капитализма также недвусмысленно указывают, что основой «свободного общества» (капитализма) «является принцип индивидуальных прав» и всячески отстаивают этот принцип [10, с. 45 и др.]. Масса эмпирических фактов показывает, что подобные утверждения во многом справедливы.

Однако для понимания процессов, происходящих в недрах западной цивилизации, недостаточно указать на индивидуалистичность как на ее фундаментальную характеристику. Думается, вполне естественным для западного индивидуализма стало бы превращение его в «вампиризм», что и означало бы гармоничное, но одностороннее развитие индивидуалиста. Некоторые явления в западном мире свидетельствуют о том, что подобный процесс идет.

В частности, в западном искусстве (особенно в литературе и кино) широко представлен образ вампира, причем эти существа рисуются с явной симпатией. В этой связи правомерен вопрос: «Не стремится ли подсознательно западный человек стать "вампиром", выражая это стремление в художественных образах? Иначе говоря, не превращается ли индивидуалистичность западного общества в "вампиристичность", а эгодеятельность в "вампирдеятельность"»?

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся проследить логически возможный переход индивидуализма в «вампиризм» и выяснить, как и при каких условиях индивидуалист способен стать «вампиром».

Подобные метаморфозы предстанут перед нами как вполне естественные для западного общества, если мы учтем два обстоятельства.

Во-первых, не следует упускать из виду особенности протестантской (в частности, кальвинистской) этики, ставшей духовной опорой западного капиталистического общества. Ибо сама эта этика, толкая людей на ожесточенную конкуренцию между собой, в известном смысле провоцирует явление, которое можно назвать «социальным вампиризмом». Главная ценность в протестантизме — вечная жизнь, которая дается только избранным и только в «персональном порядке». А если так, то очевидно ничтожество всех земных связей, очевидна тщета всех усилий, направленных на помощь ближнему или служение обществу. Это пустая трата времени. Когда же вдобавок допускается, что о своей избранности можно узнать по успехам в делах, в частности, в накоплении богатства законным путем, тогда «честная конкуренция» (фактически стремление уничтожить конкурента как социальное существо, присвоив его деньги и имущество — «выпив и пожрав его социальные плоть и кровь!») возводится в закон жизни. Ибо пуританин по существу занят только собой и помышляет только о своем спасении [11, с. 186 и др.]. Вечная жизнь — слишком высокая ставка, чтобы рисковать ею во имя кого бы то ни было. И ради нее (конечно же!) допустим «социальный вампиризм» — присвоение собственности ближнего своего.

Во-вторых, следует помнить об успехах атеизма, опосредованно связанных с научным прогрессом и рационализацией производства.

Атеизм крайнего материалистического толка с непреложностью влечет отрицание вечной жизни, из чего не всегда обоснованно выводится культ тела. Получение телесных удовольствий возводится в цель жизни земной, и здесь атеизм смыкается с рыночным производством. Ведь смысл и предназначение последнего в удовлетворении по преимуществу телесных нужд.

Атеизм другого рода, признающий существование индивидуального духа как особой реальности, склонен культивировать «манию величия», что провоцирует необузданную и мрачную игру фантазии этого духа, поскольку тот знает о своей неизбежной гибели. В результате индивидуальный дух часто попадает в ситуацию соблазна, когда смыслом его существования становится доказательство пусть временного превосходства над себе подобными за счет их уничтожения или покорения. Подобная идея отражена в фильме режиссера Пола Андерсона «Смертельный бой» («Mortal combat»), где «злой» буквально поглощает чужие души, усиливая себя таким путем. Если же речь идет об утверждении превосходства одного живого тела, в котором слиты воедино смертные дух и плоть, над другим, тогда философ (Ф. Ницше) употребляет выражение «сверхчеловек», а писатель (Д. Лондон. «Морской волк») использует образ «большого куска закваски», способного пожрать другой «кусочек закваски».

Таким образом, изначальная установка протестантизма на личное спасение сначала провоцирует «социальный вампиризм» — стремление обогатиться за счет другого, а затем укоренившийся индивидуализм по мере успехов материализма и атеизма побуждает (по крайней мере, в фантазии) к «биологическому вампиризму». Ведь если вечная жизнь невозможна, а существование других людей и общества в целом не может быть предметом служения и целью индивидуальной свободной деятельности (к этому просто нет привычки), то единственным смыслом жизни и источником радости становится собственное существование. Продлить его любыми средствами — единственная задача, на решение которой стоит тратить силы.

Конечно, по большому счету эта установка остается мечтой, причем не всегда осознанной. Но именно на ее основе возникают романы о Дракуле или о других вампирах («Голод» У. Стрибера и др.), а также многочисленные фильмы, где эти существа изображаются с откровенным сочувствием. В подобных произведениях часто звучит тоска по вечной земной жизни, желание изобрести средства, чтобы замедлить или вообще исключить старение. Эта же установка подстегивает медицинскую науку на разработку методов замены изношенных органов. И, насколько можно судить по массовой печати, не всегда подобная замена совершается в рамках закона. Во всяком случае, попытка завладеть здоровыми органами своих собратьев вполне естественна для тех, кто ценит собственную жизнь превыше всего. А рынок в принципе способен обеспечить любой спрос соответствующим предложением.

Кроме того, та же (хотя несколько модифицированная) установка обостряет всяческую погоню за удовольствиями, причем преимущественно телесными, поскольку они «надежнее», «реальнее», нежели духовные. Ибо если тело смертно, а продлить его существование трудно, то надо постараться получить максимум удовольствий в отведенный срок. Отсюда вытекает рыночная эксп-

луатация сексуальных и иных чувственных потребностей, вплоть до различных форм извращения, которые постепенно перестают считаться таковыми. По этим же мотивам распространяется алкоголизм, употребление наркотиков и пр.

Индивидуальная жизнь как высшая ценность, а также основа морали и права пропагандируется не только в художественных, но и в теоретико-философских сочинениях. Утверждается, что «существует только одно основополагающее право (все остальные являются его следствиями или выводами): право человека на его собственную жизнь. В свою очередь, жизнь — это совокупность действий, имеющих целью самосохранение и самосовершенствование. Право на жизнь означает свободу действий для поддержания, улучшения, удовлетворения и наслаждения собственной жизнью» [10, с. 48]. По сути это означает: «Жизнь ради жизни приносит удовлетворение жизнью, и это единственный смысл жизни». Иначе говоря, и на теоретическом уровне делается попытка «слить» смысл, радость и существование в некое синкретическое целое, причем именно существование должно быть основой всего.

Итак, философия обосновывает, искусство эстетизирует, наука разрабатывает методы и обучает, право защищает, а производство снабжает эгоистельность и гармонично развитую на ее основе личность в западном обществе. Иначе и быть не может, пока высшей ценностью признается личность. В этом обществе могут быть отдельные отклонения, встречные тенденции, но они лишь нечто вроде завихрений и встречных течений в общем потоке.

Разбор индивидуалистских концепций морали и права не входит в задачу настоящей статьи. Но все же следует заметить, что они строятся на представлении о «Я» как некоторой безликой сущности, не имеющей возраста, пола, профессии, национальности или гражданства. А ведь мы не можем в реальности существовать, не идентифицируя себя с определенным «Мы». Да и сам разум не дан нам лишь природой или Богом, в решающей степени он является социальным по происхождению качеством. Иначе говоря, сама природа человека имеет мощную социальную компоненту, так что едва ли возможно строить чисто индивидуалистские концепции морали и права. Кроме того, «стягивание» или «слияние» воедино существования, смысла и радости (а это основа индивидуалистских концепций) заметно обедняет жизнедеятельность человека.

Что касается жизни отдельного человека, то такое обеднение может быть терпимым, если автор или последователь индивидуалистской концепции делает это добровольно и без особого вреда для других (скажем, не разбирает на «запчасти» близких, чтобы продлить свое существование, и не принуждает детей заниматься сексом в порнофильмах для «своего удовольствия»). Вопрос серьезно осложняется, когда речь заходит о странах или обществах, где подобные концепции становятся главенствующими, а люди с индивидуалистским мировоззрением осуществляют внутреннюю и внешнюю политику.

Дело в том, что любое государство или общество есть изначально временное, преходящее образование. Законы его существования определяются самим этим временным существованием, его нуждами и интересами. Любое государство или общество должно исходить из принципа правильно понятой пользы [5, с. 27]. Иначе говоря, отдельное общество или государство по самой своей природе обязано заниматься продлением своего существования и обеспечением наиболее благоприятных для себя условий. Фактически, государственная

политика в известной мере требует «вампиризма» по отношению к другим государствам, к окружающему миру вообще.

Ограничить этот «вампиризм» может только противодействие других государств или сообществ, а также основанная на этом противодействии система международного права. Крайне важно, что само право способно выполнять свою сдерживающую роль лишь постольку, поскольку государственные деятели, ответственные за внешнюю политику, настроены (не обязательно сознательно, даже лучше, если бессознательно) «антивампирично», когда они верят в нечто более высокое, нежели элементарное выживание. Вообще говоря, такими людьми могут быть только «служители», причем честные. Только они способны к проведению нравственной политики, поскольку у них есть представление о долге и понимание того, что у других могут быть собственные интересы.

Когда же облеченные властью люди проникнуты убеждением, что их личное преуспеяние, а также существование их народа и государства — альфа и омега практической политики, тогда для них любые договоры суть простые бумажки и полезны лишь в той степени, в какой способны обеспечить преимущество над соперником. Люди этого типа изобретают двойные стандарты для оценки собственных действий и действий других, например, объявляют сферой своих «жизненных интересов» весь земной шар, обвиняя других в «имперских амбициях». Они нарушают договоренности, мотивируя это «плохим» поведением партнеров, но требуют скрупулезного выполнения обязательств по отношению к себе и т. д. «Хорошим парням», каковыми они себя объявляют, можно делать все, а «плохим» — ничего, без разрешения «хороших» (в художественной продукции подобная установка делает действия «героя» и «антигероя» неразличимыми по содержанию: оба делают одно и то же — убивают, пытаются, применяют насилие, разве что «герой» исполняет все это с большей ловкостью или изяществом, чем «антигерой»).

И все-таки ответственные люди этого рода еще не самые опасные представители «вампиризма». Пока они хотя бы с кем-то отождествляют себя и кому-то служат (кроме самих себя), они способны на относительно сдержанное и разумное поведение, по крайней мере, под угрозой гибели «своих людей». Держать их на прицеле — не самое нравственное дело, но, к сожалению, они понимают только язык силы, и еще хорошо, что они могут понимать хотя бы этот язык (лицемерно утверждая при этом, как Черчилль в Фултоне, что именно их соперники понимают лишь этот язык).

Намного опаснее другие, более ярко выраженные представители той же породы — те, кто вполне «разумно» рассуждает; «После нас — хоть потоп!». Эти люди вообще лишены каких-либо сдерживающих начал и действуют без всяких правил внутри страны и на международной арене, если им выпадет подходящий случай. При этом они способны довольно быстро скоординироваться между собой для совместных действий. Любого из них интересует только личное преуспеяние, но они легко находят общий язык, поскольку достаточно интеллектуальны, чтобы понять эффективность организации.

Они особо опасны еще и тем, что, вступая в контакты с «местными», «туземными» эгоистами (представителями отдельных стран или обществ, переставших по каким-то причинам отождествлять себя со своим народом и со

своей страной), питают и взращивают их для собственной выгоды, постепенно превращая их в «вампиров». Польза для «внешних вампиров» в том, что «местные» передают интересы своей страны и своего народа и помогают «внешним» пользоваться их жизненными силами, причем, поскольку нормальные граждане не опасаются их и доверяют им, этот процесс долгое время проходит незаметно. Любое предательство начинается с того, что человек отчуждает себя от «своих». Эгоисту совершить его тем легче, чем раньше он начинает считать себя лучше и выше окружающего его «быдла» (или «совков»). Подобные люди всегда находятся в любой стране, именно их улавливают «внешние вампиры» и превращают в свое подобие, чтобы потом легче и свободнее «пить кровь» из соответствующего общества или государства. Основная масса подобных людей производится, к сожалению, служебной деятельностью, что вызвано некоторыми ее специфическими чертами.

Служебная деятельность обладает чертами, разительно отличающими ее от эгодеятельности [12, с. 16–19]. В частности, как уже сказано, она не обеспечивает существование деятеля, но придает смысл его существованию. Кроме того, она часто иррациональна для исполнителя, поскольку тот не участвовал в процессе целеполагания. Есть и другие особые ее черты. Но главная отличительная черта служебной деятельности – наличие «служебного соблазна».

По этим причинам, служебная деятельность резко отличается от «простой» и «однородной» эгодеятельности своей сложностью, следствием чего является появление нескольких типов личности. Все черты деятельности так или иначе влияют на формирование личности. Но влияние служебного соблазна особенно велико.

Суть его в том, что служащий постоянно находится в ситуации мучительно-го выбора. С одной стороны, служебный долг требует от него бескорыстия, самоумаления, даже самопожертвования. С другой, – служащий может использовать служебные полномочия для обогащения, причинения вреда соперникам, получения дополнительных услуг и т. д. И далеко не всегда выбор совершается в пользу служебного долга. Масса служащих выбирает эгоистическую линию поведения, в частности, как российское чиновничество в конце прошлого века или советское руководство в период «застоя». Как раз с этим типом людей взаимодействуют внешние «вампирь», ища способ обратить на пользу себе ресурсы той или иной страны.

В зависимости от выбора линии поведения возникают разные типы личностей – «честных служак», «карьеристов», а также промежуточный тип, представители которого ведут себя по обстоятельствам и способны как на подвиг, так и на «воровство». Иначе говоря, служебная деятельность порождает три типа личностей, каждый из которых по-своему «гармоничен», ибо соответствует ей.

Первый – честный служащий – гармоничен на основе собственно служебной деятельности. Имея высшей ценностью общее благо, он способен принести ему в жертву самого себя. В России ярчайшим представителем этого типа личности был Петр Великий. Как отмечал В. О. Ключевский, у Петра «всегда были наготове две основы его образа мыслей и действий, ... неослабное чувство долга и вечно напряженная мысль об общем благе Отечества, в служебной деятельности которому и состоит этот долг» [13, с. 4]. Подобного типа личностями были,

вероятно, Суворов, Жуков и т. д. Понятие «призвание», вероятно, лучше всего охватывает тип поведения и деятельности личностей этого рода.

Второй — карьерист — гармоничен на основе забвения служебного долга и сознательного или бессознательного, но четкого и последовательного использования служебных полномочий в корыстных целях, то есть для самоутверждения в обществе или получения каких-то выгод и удовольствий. Иначе говоря, здесь наблюдается гармония на основе обратной корреляции личности с деятельностью. Личность использует «антинормы» служебной деятельности для достижения ценностей, противоположных ценностям службы. Целая группа подобных личностей оказалась во главе Советского Союза перед началом «перестройки» и «радикальных экономических реформ». В массе своей представители нынешнего руководства России также относятся к этому типу. Именно их, надо полагать, имел в виду А. Чубайс, когда однажды заявил, что при очередном этапе реформ люди, находящиеся у власти, «обменяют власть на собственность».

Третий — «промежуточный тип», несет в себе внутреннее противоречие, поскольку его личностная структура основана на сочетании противоположных ценностно-нормативных систем. Но он гармоничен в ситуации, способен к разным типам поведения в зависимости от сложившейся обстановки. О таком типе личности идет речь в одном из рассказов Н. С. Лескова, где один персонаж («бесстыдник») утверждает, что русские в равной мере способны как на подвиг, так и на казнокрадство, причем его оппонент, честный лазаревский офицер, после длительного раздумья признает правоту «бесстыдника» [14, с. 103 — 114]. Подобный тип личности (и, соответственно, поведения) возможен, вероятно, потому, что многие нормы поведения усваиваются бессознательно [15, с. 150], и человек ведет себя весьма «естественно», «как все» в зависимости от обстоятельств.

Два крайних типа — «честные служаки» и «карьеристы» — находятся в постоянной борьбе между собой, причем в мирное время «карьеристы» всегда выигрывают. Во время войны сама обстановка еще позволяет как-то оценить человека по реальному вкладу в общее дело, хотя полностью служебные злоупотребления неискоренимы. В мирное же время «карьеристы» легко находят общий язык на почве корыстных интересов и вытесняют «служак», ибо обществу трудно проследить вредные последствия от деятельности отдельного чиновника. В нем расцветают коррупция, казнокрадство, злоупотребления властью и пр. Основная масса высших должностных лиц «забывает» о своем долге и общество втягивается в кризис, способный превратиться в катастрофу.

Основные процессы, угрожающие существованию человечества и благополучию отдельных стран, вызваны деятельностью эгоистов, или «вампиров», то есть людей, для коих собственное существование является источником радости и смысла. Наиболее широко этот тип людей представлен в странах рыночной цивилизации. Именно их безудержная экспансия во внешний мир, вызванная жаждой богатства, власти, комфорта и наслаждений, породила наши глобальные проблемы — экологическую, истощения ресурсов, деградации культуры. Поэтому именно «евро-американцы», как выразился П. Кууси, являются самым опасным типом людей с точки зрения выживания человечества [16, с. 260].

Человечеству в целях собственного выживания необходимо максимально ограничить свободу деятельности этих людей, хотя справиться с ними будет весьма непросто. В качестве средств идейного противоборства их идеологии полезно выдвинуть тезисы:

— об ущербности цивилизации, построенной на «деятельности-для-себя», или эгодеятельности;

— о теоретической несостоятельности принципа о примате личности над обществом (достаточно предоставить человеку возможность быть социально значимым, то есть дать ему возможность оказывать воздействие на ход событий в обществе);

— о необходимости ограничить «права человека» «правами гражданина», имея в виду то, что каждая страна имеет право и даже обязана создавать на своей территории условия максимально благоприятные для существования и развития именно своего гражданина, а не любого «человека со стороны».

Желательно обеспечить широкую и доступную для обывденного восприятия популяризацию этих тезисов.

В качестве долгосрочной перспективы следует искать пути построения «духовно-игровой» цивилизации, то есть цивилизации, которая была бы основана на всех трех разновидностях деятельности: служебной, игровой и эгодеятельности. Причем служебная деятельность должна стать ведущей, а предметом ее служения — мыслящий дух, этот, по выражению Ф. Энгельса, «высший цвет» материи [17, с. 363]. Эгодеятельность также нужно направить по возможности в сферу духа и ограничить в сфере материи на Земле. Конечная цель построения такой цивилизации состоит в том, чтобы, обеспечив существование человека, придать его жизни радость и смысл. Едва ли «духовно-игровая» цивилизация будет когда-либо построена, но все же было бы полезно двигаться в ее направлении, чтобы человек мог наслаждаться максимально возможной полнотой своего бытия как «всесторонне и гармонично развитая личность».

Литература

1. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.
2. Судьба российской интеллигенции // Материалы научной дискуссии 23 мая 1996 года. СПб.: РИЦ СПбГУП, 1996.
3. Бороноев А. О., Письмах Ю. М., Смирнов П. И. Моделирование социальных систем: Концепция и основные понятия // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2 / Под ред. проф. А. О. Бороноева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
4. Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решений: Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995.
6. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.
7. Смирнов П.И. «Домашний» тип цивилизации в России: Русский национальный характер // Вестн. МГУ. 1993. Сер.12: Социально-политические исследования. № 5.
8. Хейзинга Й. Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры. М.: Прогресс, 1992.
9. Пютчев Ф. И. Русская звезда: Стихи. Статьи. Письма. М.: Русская книга, 1993.
10. Рэнд А. Концепция эгоизма. СПб.: Макет, 1995.
11. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

12. Смирнов П. И. Служебная деятельность как фактор формирования русского национального характера // *Поиски исторической психологии: Тезисы докладов Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 21-22 мая 1997 г. СПб.: Третья Россия, 1997.*
13. Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников. СПб., 1902.
14. Лесков Н. С. Бесстыдник // *Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. М.: АО «Экран», 1993.*
15. Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознания // *Бессознательное: Природа, функции, методы исследования. Вып. IV / Под общей ред. А. С. Принтишвили, А. С. Шерозия, Ф. В. Бассина. Тбилиси, 1985.*
16. Кууси П. Этот человеческий мир. М.: Прогресс, 1988.
17. Энгельс Ф. Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.*